

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Политическая лингвистика. 2022. № 4 (94).
Political Linguistics. 2022. No 4 (94).

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 10.02.19 (5.9.8)

Эдуард Владимирович Будаев

Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия, aedw@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2137-1364>

Милитарные метафоры как средство концептуализации белорусской милиции в российских СМИ

АННОТАЦИЯ. В настоящем исследовании рассматривается метафорический образ белорусской милиции в электронных российских СМИ за 2020—2021 гг. Хронологические рамки исследуемого материала охватывают выборы президента Белоруссии и постэлекторальный период, насыщенный массовыми уличными протестами. Теоретической основой исследования послужила когнитивно-дискурсивная парадигма, подразумевающая изучение метафоры как когнитивного феномена с учетом экстралингвистического контекста. Как показал анализ, ведущую роль в концептуализации белорусской милиции в российских электронных СМИ играли милитарные метафоры. С помощью методики векторного таргетирования были выявлены основные фреймы милитарной метафорической модели. Показана значительная роль в концептуализации белорусской милиции интертекстуальных метафор, восходящих к историческим реалиям («янычары», «опричники», «тонтон-макуты»), в особенности к концептам Великой Отечественной войны. Большая часть рассмотренных метафор направлена на формирование пейоративного образа органов правопорядка Белоруссии, при этом частотность и продуктивность пейоративных метафор оказались выше в текстах оппозиционных российских СМИ, декларирующих приверженность либеральным ценностям. Милитарная метафора является маркером актуализации в политическом дискурсе базовых концептуальных оппозиций, характерной для кризисной коммуникации. Дальнейшее изучение метафорического образа милиции/милиции, создаваемого в различных видах дискурса в разных странах, важно для понимания механизмов реализации стратегии концептуального противопоставления граждан и органов защиты правопорядка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, медиадискурс, медиатексты, СМИ, средства массовой информации, язык СМИ, языковые средства, российские СМИ, политическая метафорология, метафорические модели, метафорическое моделирование, концептуальные метафоры, милитарные метафоры, кризисная коммуникация, концептуальные оппозиции, политический дискурс, векторное таргетирование, русский язык.

БЛАГОДАРНОСТИ: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-00064 «Теория и методика метафорического моделирования образа милиции в электронных СМИ России, Украины и Белоруссии: аксиология, эволюция, ситуационная динамика, прагматика».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и русской филологии, Российский государственный профессионально-педагогический университет; 620012, Россия, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11; e-mail: aedw@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Будаев, Э. В. Милитарные метафоры как средство концептуализации белорусской милиции в российских СМИ / Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 4 (94). — С. 12-20.

Eduard V. Budaev

Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, aedw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2137-1364>

War Metaphors as a Means of Conceptualization of Belarusian Militia in the Russian Media

ABSTRACT. The paper deals with the metaphorical image of the Belarusian militia in the electronic Russian media within 2020-2021. The chronological frames of the material under study cover the election of the President of Belarus and the post-electoral period, characterized by mass street protests. The theoretical basis of the study is made up by the cognitive-discursive paradigm, implying the investigation of metaphor as a cognitive phenomenon taking into account the extralinguistic context. The analysis has shown that war metaphors play the leading role in the conceptualization of the Belarusian militia in the Russian electronic media. The method of vector targeting has made it possible to identify several basic frames of the military metaphorical model. A significant role in the conceptualization of the Belarusian militia is played by intertextual metaphors originating from historical facts or events (Janissaries, oprichniki, Tonton Macoute), specifically from the concepts of the Great Patriotic War. A large part of the metaphors under consideration are used to form a pejorative image of the Belarusian militia. The frequency and the productivity of the war metaphors is higher in the texts of the Russian oppositional media, declaring their adherence to liberal values. The war metaphor in the political discourse is a marker of

actualization of the basic conceptual oppositions characteristic of crisis communication. Further investigation of the metaphorical image of the police/militia created in various types of discourse in different countries is important for understanding the mechanisms of implementation of the strategy of conceptual opposition of citizens and law enforcement agencies.

KEYWORDS: *journalism, media linguistics, media discourse, media texts, mass media, mass media language, language means, Russian mass media, political metaphorology, metaphorical models, metaphorical modeling, conceptual metaphors, war metaphors, crisis communication, conceptual oppositions, political discourse, vector targeting, Russian language.*

ACKNOWLEDGMENTS: the study has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation grant № 22-28-00064 “Theory and Methods of Metaphorical Modeling of the Image of Police in the Electronic Media of Russia, Belarus and Ukraine: Axiology, Evolution, Situational Dynamics, and Pragmatics”.

AUTHOR’S INFORMATION: *Budaev Eduard Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages and Russian Philology, Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Budaev E. V. (2022). War Metaphors as a Means of Conceptualization of Belarusian Militia in the Russian Media. In Political Linguistics. No 4 (94), pp. 12-20. (In Russ.).*

1. ВВЕДЕНИЕ

Исследования в области политической метафорологии получили широкое распространение в современной лингвистике. Как показывает специальный обзор [Будаев, Чудинов 2018], подавляющее число публикаций в этой области посвящено анализу метафорического образа политического лидера (президента, премьер-министра, лидера политической партии) или какого-либо политического события (выборы, война, кризис), в то время как исследования метафорического образа полиции носят спорадический характер [Будаев и др. 2022; Золотайко 2019; Пологова 2021]. Этот дисбаланс в изучении массового общественного сознания проявляется особенно контрастно, если учесть, что в периоды политических кризисов важнейшую роль играют органы охраны правопорядка и зачастую исход политических противостояний зависит от того, чью сторону в политическом конфликте занимают силовые структуры. Как показывает американский историк Э. Люттвак в своей знаменитой книге «Государственный переворот: Практическое пособие» [Люттвак 2017], основная задача в борьбе против государственной власти — разобщить политическое руководство и силовые службы. На языке когнитивной науки это означает, что важнейшая задача при дестабилизации обстановки в определенной стране заключается в переконцептуализации образа полиции как в массовом сознании, так и в концептуальной картине мира самих работников органов правопорядка.

В кризисной коммуникации снижается когнитивная сложность процессов осмысления мира и на первый план выходят базовые структуры (например, оппозиции Свой — Чужой, Герой — Злодей — Жертва), которые во многом определяют оценки текущих событий субъектами политической деятельности. Надежным маркером актуализации концептуальных оппозиций в политическом дискурсе является милитарная метафора.

2. МЕТОДОЛОГИЯ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование опирается на эвристики политической лингвистики — междисциплинарной области науки, возникшей на пересечении метафорологии и политологии под значительным воздействием идей когнитивной науки, политической психологии, дискурсологии и риторики. Методологической основой настоящего исследования послужил когнитивно-дискурсивный подход к анализу метафор (А. Н. Баранов, А. П. Чудинов, Е. С. Кубрякова), подразумевающий изучение метафоры как когнитивного феномена с учетом экстралингвистического контекста.

При выборе методики изучения метафорического образа полиции/милиции исследователи обычно опираются на методику таргетирования (изучения метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии). Существует два основных варианта методики таргетирования — векторное и рефлексивное. Внимание исследователей неизменно привлекает методика рефлексивного таргетирования, подразумевающая изучение метафорического образа полиции в дискурсе той страны, в которой полиция осуществляет свою деятельность. Так, методика рефлексивного таргетирования использовалась при изучении метафорического образа полиции США в дискурсе американских СМИ [Будаев, Пологова 2021; Золотайко 2019; Пологова 2021], метафорического образа белорусской полиции в белорусских телеграм-каналах [Будаев и др. 2022]. В настоящем исследовании рассматривается метафорический образ белорусской милиции в электронных российских СМИ, то есть анализируется концептуализация органов правопорядка соседнего государства (методика векторного таргетирования).

Материалом для исследования послужили метафорические контексты из электронных российских СМИ разной политиче-

ской направленности («Аргументы и факты», «Бизнес Online», «Известия», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новая газета», «Lenta.ru», «Pravda.ru»). Большая часть примеров относится к 2020 г., охватывающему предэлекторальный период, период проведения президентских выборов в Белоруссии и постэлекторальный период, насыщенный массовыми уличными протестами. Более поздние контексты, составляющие меньшинство от общего корпуса, связаны с воспоминаниями журналистов или участников событий о кризисе 2020 г.

3. ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ МИЛИТАРНЫХ МЕТАФОР

Как показал анализ материала, ведущую роль в концептуализации белорусской милиции в российских электронных СМИ играли милитарные метафоры.

Милитарная метафорика традиционно привлекает внимание исследователей СМИ и политического дискурса [Балашова 2020; Керимов 2013; Кондратьева 2011; Лассан 2017; Чудинов 2003; Charteris-Black 2011; Musolff 2016; Zarefsky 2005]. При этом наблюдается две закономерности в использовании метафор войны. С одной стороны, милитарные метафоры распространены в дискурсе СМИ многих стран, а сфера-источник «Война» относится к самым частотным исходным понятийным областям. В частности, специальное исследование политического дискурса в США показало, что американские президенты традиционно объявляют войну чему-либо: Р. Никсон объявил войну наркотикам (*war on drugs*), Л. Джонсон анонсировал войну с преступностью (*war on crime*) и бедностью (*war on poverty*), Дж. Форд вел войну с инфляцией (*war on inflation*). Современные американские политики ведут войны с пластиком в океане, глютенем, видеоиграми и т. п. [Flusberg et al. 2018].

Вторая закономерность связана с тем, что особенности актуализации милитарной метафорической модели варьируются в различных дискурсивных условиях. Например, милитаризация сознания американского общества проявилась именно в период холодной войны [Bates 2004]. Милитарные метафоры особенно востребованы в периоды политических выборов [Каслова 2003], экономических [De Landtsheer 1994] или политических кризисов [Баранов 2003]. Несмотря на укорененность милитарных метафор в концептосфере человека, метафоры войны служат индикатором кризисной коммуникации и свидетельствуют о доминировании агрессивных сценариев разрешения про-

блем в массовом сознании относительно определенной сферы-мишени в определенной экстралингвистической ситуации.

Рассмотрим фреймовую структуру милитарной метафорической модели, актуализированной в российских электронных СМИ для концептуализации белорусской милиции.

Фрейм «Война и ее разновидности»

Массовые беспорядки и противостояние с милицией регулярно концептуализировались в СМИ как война между властью и гражданским населением. Ср.:

*Были среди милиционеров те, кто усердствовал по собственной инициативе, но большинство просто выполняли приказы. Однако нашлись и те, кто открыто выступил против действий коллег, сочтя происходящее **войной** с собственным народом (Lenta.ru. 10.01.2021).*

*12-го числа я записал видеообращение, где призвал коллег отказаться от **войны** с народом, и сказал, что для меня президент — Светлана Тихановская (Lenta.ru. 10.01.2021).*

Для привнесения схожих смыслов используются метафоры, детализирующие различные формы военного противостояния (*блицкриг, окопная война, позиционная война, баталия, военная операция* и др.). Ср.:

*Вырисовывается несколько возможных сценариев. Первый можно назвать инерционным — продолжение противостояния в прежнем формате. То есть, образно говоря, — и дай бог, чтобы это осталось лишь образом — **не блицкриг, а позиционная, окопная война. Война на истощение**. В конфликтах такого рода побеждает тот, у кого окажутся более крепкие нервы, будет больше терпения и ресурсов (МК. 01.09.2020).*

*Это не просто локальные полицейские операции, не просто отдельные случаи жестокости и нарушения закона. Это целенаправленная и масштабная **военно-карательная операция** против белорусов (НГ. 19.11.2020).*

*ОМОН стал аргументом в **информационной войне** (Pravda.ru / 31.12.2020)*

*При попытке выбраться из Минска родственники молодоженов стали заложниками уличных **баталий** (МК 21.08.2020).*

Особенно востребованным оказался образ гражданской войны, акцентирующий внимание на том, что накопившиеся социальные противоречия внутри государства принимают насильственные формы разрешения. Ср.:

*Фактически произошла катастрофа. Идет **скрытая гражданская война** (МК. 17.09.2020).*

В Беларуси идет холодная гражданская война (Бизнес Online. 11.08.20).

*Это скорее предупреждение, что раз уж идет такая ожесточенная политическая борьба, переходящая в элемент **гражданской войны**, то она касается всех* (МК. 21.09.2020).

*Сегодня Беларусь находится в психологическом состоянии **гражданской войны**, когда противостояние достигает такого накала ожесточенности и злобы, что обе стороны готовы на все* (МК. 28.09.2020).

Фрейм «Враги»

Метафоры данного слота в максимальной степени реализуют базовую оппозицию «Свои — Чужие». Жесткие меры, которые применяли милиционеры в борьбе с протестующими, использовались журналистами для концептуального противопоставления граждан Белоруссии и правоохранительных органов, когда последние описывались с помощью метафоры *враги*. Ср.:

*Но если для белорусов все понятно, и цель борьбы определена — отставка Лукашенко, освобождение политзаключенных, честные выборы, — то **враг** не слишком понимает, за что он с таким остервенением сражается*. (НГ. 23.11.2020).

*Люди, белорусский народ, стали воспринимать милицию как **врага*** (Lenta.ru. 10.01.2021).

Фрейм «Военные действия»

Для обозначения противостояния между протестующими и милицией использовались многочисленные метафоры тактики ведения боевых действий. Востребованность метафор данного фрейма была обусловлена в том числе и тем, что уличные манифестации разгонялись милицией с применением слезоточивого газа, светошумовых гранат, водометов и резиновых пуль. Некоторые из демонстрантов использовали против милиции пиротехнику и «коктейли Молотова», устраивали нападения на сотрудников милиции. Ср.:

*После выборов тихий двор Маргариты, как и многие другие дворы Минска, превратился в **зону боевых действий*** (Коммерсантъ. 18.06.2021).

*На двор регулярно **нападают** тихари (сотрудники милиции в штатском) и милиция: срезают ленты и флаги, закрашивают мурал* (НГ. 7.10.2020).

*Причем под утро в некоторых районах города молодые митингующие уже **начали переходить в наступление**. Например, в районе Пушкинской не ОМОН гонял жителей, а молодые парни людей в форме* (МК. 24.09.2020).

*А их, похоже, специально и подбирали — чтобы внезапно осмелевшие прошлым летом белорусы испугались «большого террора», начали вздрагивать по ночам, услышав звук подъезжающего автомобиля, и бояться выйти из дома, не говоря уже об участии в акциях протеста. Для этого нужно было внушить им, что никакой логики в государственном терроре нет, что **снаряды падают как попало** и что теперь речь идет уже не о сутках, а о годах тюрьмы* (НГ. 11.03.2021).

*Соблазн **покончить с политическими противниками «малой кровью, могучим ударом»** может в принципе возникнуть у обеих сторон конфликта. Нервы и так у всех ни к черту, а длительное «**сидение в окопах**» их еще больше взвинтит* (МК. 01.09.2020).

*Жестокость власти только усилила протесты. На какое-то время власти вынуждены были **отступить** — задержания почти прекратились. Однако с вечера воскресенья Лукашенко снова пошел в **наступление***. (НеГ. 09.09.2020).

Факты нападения протестующих на милиционеров, обладающих превосходством в экипировке и спецсредствах, описывались с помощью метафоры *превратиться в живые мишени, бросаться на амбразуру*. Ср.:

*Я 30 лет занимаюсь Беларусью и первый раз вижу, что люди начинают охоту на ОМОН. Поражает, как мужчины с голыми руками кидались на сотрудников отряда. Это все равно что **бросаться на амбразуру, как Матросов*** (Бизнес Online / 11.08.20).

*Те, кто сделал бы это, наверняка **превратились в живые мишени** для ОМОНа* (МК. 21.09.2020).

*Ведь это значит, что люди настолько отчаялись, что просто больше ничего не остается, как женщинам **выйти на амбразуру — и прикрыть своей грудью** весь белорусский народ* (Lenta.ru / 22.08.20).

Исследователи метафор отмечали, что концепт женщины плохо согласуется с милитарными образами [Gidengil, Everitt 2003; Wei 2001]. Во время протестов в Минске регулярно проходили женские шествия, не вписывающиеся в логику «военного противостояния», что находило отражение в соответствующих метафорах. Ср.:

*Те граждане Белоруссии, которые хотят «**повоевать**» во время протестов, не должны выставлять вперед «девчонок». Об этом в субботу, 15 августа, заявил президент страны Александр Лукашенко* (Известия. 15.08.2020).

Фрейм «Результаты военных действий»

Результаты противостояния протестующих и милиции были различными. В большинстве случаев милиции удавалось разогнать или нейтрализовать протестующих. Вместе с тем митингующие иногда эффективно использовали численное превосходство, чтобы заставить сотрудников милиции не вмешиваться в протесты или даже отступить. Эти перипетии многомесячных конфликтов нашли отражение в метафорах *победа, поражение, отступление, сорвать блицкриг* и т. п. Ср.:

«Омоновцы никогда не дежурят на Окрестина, — заявил белорусский лидер. — Никогда не были ни в СИЗО, ни на Окрестина». Он добавил, что в этом СИЗО служат военнослужащие Внутренних войск, которых несправедливо обвинили, «потому что они спасли страну и сорвали блицкриг» (МК 17.09.2020).

Пусть проиграно сражение, но в общую победу мы все равно верим, и мы победим (Коммерсантъ. 18.06.2021).

В тот вечер никто никуда не свернул, потому что силовики стояли насмерть, а потом рассеяли толпу по дворам (Коммерсантъ. 18.06.2021).

В Минске на марш против Лукашенко вышло 100 тысяч человек. Силовикам пришлось отступить (НГ. 19.10.2020).

Финальной битвой этот день может стать только в одном невероятном случае, если всех противников Лукашенко расстреляют из пулеметов (МК. 25.10.2020).

Неудачи митингующих в достижении политических целей, в том числе поддержка милицией политического руководства страны, актуализировали метафоры *плена, оккупации, казни* и т. п. Ср.:

Это очень страшное ощущение, когда понимаешь, что тебя не защищают, не охраняют, — ты просто давно в плену (Lenta.ru. 22.08.2020).

А может, это тишина какого-то другого измерения — тишина так и не оправившейся от кровавой казни страны, тишина огромного пепелища, в которое оккупанты превратили Беларусь (НГ. 19.11.2020).

Фрейм «Организация военной службы»

Различные спонтанные и устойчивые объединения протестующих, совместно действующих в определенный момент времени, обозначались как *отряд* или *фронт*, возглавляемый *командирами*. Ср.:

Под Могилёвом задержали участников «лесного» отряда (АиФ. 14.09.2020).

На Гомельском фронте (НГ. 19.12.2020).

Там уже есть «полевые» командиры, которые сидят у себя во дворах и аккумулируют районную активность. Со временем из них вырастут большие политики. Пока они не свергнут Лукашенко, они будут действовать единым фронтом, а потом разобьются на националистов, сторонников Европы, России и так далее (МК. 21.09.2020).

4. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ

Рассмотренные выше метафоры основываются на актуализации фреймового знания, т. е. знания, основанного на типизированных представлениях о действительности, отраженных в преимущественно универсальной военной лексике (*война, атака, наступление, отряд, победа* и т. д.). Вместе с тем исследователи обращали внимание на особый класс метафор, которые актуализируют знания о конкретных исторических событиях. Такие метафоры получали в лингвистике различные наименования в зависимости от изучаемого аспекта: интертекстуальные метафоры [Kennedy 2000; Zinken 2003], коннотативное употребление прецедентных онимов [Нахимова 2011], *Named-metaphern* [Ewald 2014]. Сопоставление этих понятий показывает, что последние два термина используются для обозначения метафорического употребления имен собственных, в то время как термин «интертекстуальные метафоры» охватывает случаи употребления имен нарицательных, которые восходят к историческим реалиям, служащим основанием для метафоризации.

Интертекстуальные метафоры получили широкое распространение при концептуализации белорусской милиции в российских СМИ. В первую очередь были задействованы номинации, обозначающие жестоких исполнителей приказов политического руководства: *тонтон-макуты, опричники, янычары*.

Использование метафоры *тонтон-макуты* связано с прецедентной ситуацией правления гаитянского президента Ф. Дювалье. Используя враждебность негритянских масс к мулатам и опасаясь государственного переворота, Ф. Дювалье сформировал проправительственное ополчение из добровольцев, которых прозвали тонтон-макуты. Слово *тонтон-макуты* восходит к гаитянскому мифу о дядюшке с джутовым мешком (*tonton* — дядя, *macoute* — мешок), который похищает непослушных детей, запикивает их в мешок и затем съедает. Функции тонтон-макутов заключались в уничтожении оппозиции и обеспечении личной безопасности президента. Тонтон-макуты жестоко подавляли протесты и восстания, похищали и

убивали оппозиционеров. После смерти Ф. Дювалье тонтон-макуты бежали из страны или ушли в подполье, многие подверглись линчеванию. Таким образом, данная метафора основана на выстраивании аналогии между методами тонтон-макутов и жесткостью действий белорусской милиции. Ср.:

Остановить революцию может теперь только она сама — люди, протестующие против электоральных фальсификаций и зверств «тонтон-макутов» (МК. 14.08.2020).

Схожую функцию выполняет метафора *опричники*. Опричник — воин дворянского происхождения, состоявший в войсках опричнины в царствование Ивана IV. Начало спорам вокруг опричнины положили Иван Грозный и А. Курбский своим эпистолярным поединком, в котором отчетливо проявились две диаметрально противоположные оценки опричнины. Вместе с тем в русском языке данная лексема получила в переносном значении пейоративное значение: «О жестоких охранителях тоталитарного государства (о полицейских, жандармах и т. п.)» [БАСРЯ 2010: 41]. Таким образом, основанием для метафоризации снова является концептуальный признак жестокости. Ср.:

*Но для террора, который силовики устраивают в эти дни на улицах страны, и не нужны основания. Наоборот, судя по действиям **опричников**, сверху им дана установка как раз молотить всех именно что без разбору — чтобы боялись даже просто на улицу выйти там, где собирается хотя бы небольшая толпа. **Опричники** быстро поднялись наверх и стали направо и налево, как бурьян, колотить людей палками* (Коммерсантъ. 16.08.2020).

К этой же группе относится метафора *янычары*, в которой актуализируется концептуальный признак беспощадности. Автор следующего примера не стал полагаться на фоновые знания читателей и снабдил контекст кратким пояснением содержания концепта сферы-источника. Ср.:

*Мы ехали 20 минут, и омовец попеременно бил то меня, то Серегу. Эти люди напоминали мне **янычар** — специально выращенных беспощадных людей-воинов. Которые повязаны кровью, им нечего терять, они сделают все, что им прикажут* (МК. 14.08.2020).

Наибольшую группу интертекстуальных метафор составляют контексты, связанные с Великой Отечественной войной. Победа над фашизмом — главное военно-политическое событие прошлого века. В борьбе с фашизмом СССР понес самые большие потери, значительная доля которых пришлась на

жителей БССР. Оккупационный режим принес неисчислимы бедствия белорусскому народу, поэтому актуализация концептов, связанных с фашизмом, направлена на привнесение максимально пейоративных оценок действий милиции. Ср.:

*Затем выскочили силовики в бронежилетах и черных балаклавах — они хватили идущих по тротуару мужчин и тащили в темноту автобусов. Женщины закричали: «**Фашисты!** Осторожно, тут **фашисты!**!»* (Коммерсантъ. 27.09.2020).

*Автобус большой, да и людей можно посадить в кресла, но это, наверное, не соответствует кодексу поведения белорусской **зондеркоманды**. Людей кладут одного на другого прямо на пол, мне на ноги бросают другого мужчину, на того кладут еще одного <...> Интересно, подумал я: у них за рулем их же товарищ-эсэсовец или они заставляют соучаствовать в преступлениях водителей «Минсктранса»? (НГ. 16.08.2020).*

*Я дежурил в отделе, к нам привезли порядка 70 человек. Всех заковали в наручники, лицом в пол или на колени, если кто поднимал голову — били палками. Тогда у меня начались первые проблемы с коллегами: я открыто говорил про перегибы, что они ведут себя как **фашисты*** (Lenta.ru. 10.01.2021).

*Если в стране полную, ничем неограниченную, необузданную власть имеет **гестапо**, то тогда то, что происходит в этой стране, называется — **фашизм*** (НГ. 19.11.2020).

В годы Великой Отечественной войны беспрецедентный размах получило партизанское движение в Белоруссии. Закономерно, что в противовес метафорам, связанным с фашизмом, особо распространенной стала метафора *партизаны*. Ср.:

*Атмосфера располагает додумать, что на том конце провода знакомый, подруга, а может, бойфренд, который собрался на одну из **партизанских акций*** (Коммерсантъ. 18.06.2021).

*Она рассказала, что лидер отряда в социальных сетях создал сообщество «**Партизаны Могилёва**»* (АиФ. 14.09.2020).

*15 декабря лидер белорусской оппозиции Светлана Тихановская заявила, что в стране не прекратятся уличные протесты. По ее словам, белорусы перейдут к новым способам мирной борьбы — в форме «**партизанщины**»* (Известия. 20.12.2020).

*В Telegram-чатах люди постоянно **партизански** сообщают друг другу свои наблюдения и координаты «тихарей» или затаившихся во дворах микроавтобусов с силовиками в балаклавах* (АиФ. 28.09.2020).

Особенно отчетливо концептуальная оппозиция проявляется в контекстах, совмещающих образы противостояния партизан и полицаев (полицай — уничижительное название для работника коллаборационистских полицейских органов на оккупированной территории СССР). Ср.:

«*Партизаны*» и *полицаи*. В Минске на марш против Лукашенко вышло 100 тысяч человек (НГ. 21.10.2020).

Так как информационная борьба в современном мире перемещается в киберпространство, примечательно использование метафоры-неологизма *киберпартизаны*, используемой для номинации хакеров, получивших доступ к личным данным милиционеров и передавших эти данные в открытый доступ с целью деморализации сотрудников правопорядка. Ср.:

Белорусские «*киберпартизаны*» взломали базу сотрудников МВД страны и передали телеграм-каналу *Nexta* личные данные десятков тысяч сотрудников (МК. 28.09.2020).

Отягчающий фактор — «*киберпартизаны*» напугали силовиков, опубликовав в Сети их данные (МК. 13.10.2020).

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывает анализ, большая часть рассмотренных метафор направлена на формирование пейоративного образа органов правопорядка Белоруссии. При этом отметим, что частотность и продуктивность милитарных метафор оказались выше в текстах оппозиционных российских СМИ, декларирующих приверженность либеральным ценностям. Так как в электронных СМИ, поддерживающих политическое руководство России, метафор было меньше, мы получили закономерное искажение метафорического образа белорусской милиции в российских СМИ в пользу картины мира, формируемой оппозиционными массмедиа. Это важно иметь в виду, чтобы не делать поспешных выводов об особенностях концептосферы, характерных для генеральной совокупности. Так как метафора является важным маркером кризисной коммуникации, полученные данные свидетельствуют о том, что оппозиционные СМИ в гораздо большей степени склонны приписывать кризисные признаки политической действительности в Белоруссии, чем проправительственные издания. При этом в острую фазу кризиса (август 2020 г.) большинство журналистов писало о неизбежности скорой смены президента Белоруссии и необходимости перехода сотрудников правоохранительных органов на сторону протестующих. Отказ мили-

ционеров от выполнения должностных обязанностей концептуализировался как переход из категории «чужих» (поддерживающих власть) на сторону «своих» (протестующих, метонимически расширяемых до всего народа Белоруссии). По мере того как ошибочность прогнозов становилась все более очевидной, увеличивалось количество пейоративных оценок милиции и нарастала агрессивность прагматических смыслов, реализуемых через метафорические номинации. В проправительственных российских СМИ изначально доминировали нейтральные оценки работы белорусских органов правопорядка, а низкая метафоричность дискурса не претерпела значительных изменений в постэлекторальный период.

К этому необходимо добавить, что в медиатекстах эксплицитно или имплицитно проводились параллели между политической жизнью в России и Белоруссии. Высвечивание таких аналогий позволяло авторам использовать «взгляд со стороны» на милицию в соседнем государстве для концептуализации общественно-политической жизни в целом и органов правопорядка в частности в собственной стране.

Дальнейшее изучение метафорического образа полиции/милиции (как с помощью рефлексивного, так и векторного таргетирования) в различных видах дискурса в разных странах относится к насущным задачам политической лингвистики. Результаты, получаемые в подобных исследованиях, важны для понимания механизмов реализации стратегии концептуального противопоставления граждан и органов защиты правопорядка.

СОКРАЩЕНИЯ

АиФ — «Аргументы и факты»
МК — «Московский комсомолец»
НГ — «Новая газета»
НеГ — «Независимая газета»

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балашова, Л. В. Милитарная метафора как способ формирования концепта Ковид-19 в речи В. В. Путина / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 777–800.
2. Баранов, А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга / А. Н. Баранов. — Текст : непосредственный // Язык средств массовой информации. — Москва : Изд-во МГУ, 2003. — С. 134–140.
3. БАСРЯ = Большой академический словарь русского языка. — Москва : Наука, 2010. — Т. 14. — 656 с. — Текст : непосредственный.
4. Будаев, Э. В. Коммуникативное сопровождение массовых протестов в СМИ / Э. В. Будаев, С. Л. Кушнерук, М. А. Курочкина. — Санкт-Петербург : Научное издание, 2022. — 201 с. — Текст : непосредственный.
5. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Москва : Флинта, 2018. — 248 с. — Текст : непосредственный.

6. Будаев, Э. В. Прагматическая амбивалентность метафор в политическом нарративе «Жизни черных имеют значение» (на примере «Сигл Таймс») / Э. В. Будаев, К. В. Пологова. — Текст : непосредственный // Ученые записки Нижнетагильского государственного социально-педагогического института. Серия: История и филология. — 2021. — № 2. — С. 43—58.
7. Золотайко, А. И. Метафорическое моделирование образа полиции в дискурсе общественного мнения США (сфера-источник — зоонимы) / А. И. Золотайко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 65—71.
8. Каслова, А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) : дис. ... канд. филол. наук / Каслова А. А. — Екатеринбург, 2003. — 208 с. — Текст : непосредственный.
9. Керимов, Р. Д. Когнитивные основания военной метафоры в немецком политическом дискурсе / Р. Д. Керимов. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2013. — № 3 (36). — С. 57—66.
10. Кондратьева, О. Н. Военная метафора и ее роль в концептуализации внутреннего мира человека (на материале литературы Древней Руси) / О. Н. Кондратьева. — Текст : непосредственный // Вестник Военного университета. — 2011. — № 2 (26). — С. 54—57.
11. Лассан, Э. Р. Метафора холодной войны и ее роль в познании мира (к вопросу о прагматиконе языковой личности) / Э. Р. Лассан. — Текст : непосредственный // Лингвистическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. — 2017. — № 22 (1). — С. 20—25.
12. Люттвак, Э. Государственный переворот: Практическое пособие / Э. Люттвак. — Москва : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017. — 326 с. — Текст : непосредственный.
13. Нахимова, Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования / Е. А. Нахимова. — Екатеринбург : УрГПУ, 2011. — 276 с. — Текст : непосредственный.
14. Пологова, К. В. Театральная метафора в политическом нарративе «Движение Black Lives Matter» / К. В. Пологова. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы языкознания. — 2021. — Т. 1. — № 10. — С. 129—137.
15. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. — 248 с.
16. Bates, B. R. Audiences, Metaphors, and the Persian Gulf War / B. R. Bates. — Text : unmediated // Communication Studies. — 2004. — Vol. 55. — № 3. — P. 447—463.
17. Charteris-Black, J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor / J. Charteris-Black. — Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2011. — 370 p. — Text : unmediated.
18. De Landtsheer, Ch. The Language of Prosperity and Crisis: A Case Study in Political Semantics / Ch. De Landtsheer. — Text : unmediated // Politics and the individual. — 1994. — Vol. 4 (2). — P. 63—85.
19. Ewald, P. Rostock, das Sydney der Ostsee — Zur Spezifik von Namenmetaphern / P. Ewald. — Text : unmediated // Methoden der Metaphernforschung und -analyse. — Wiesbaden : Springer, 2014. — S. 197—213.
20. Flusberg, S. War metaphors in public discourse / S. Flusberg, T. Matlock, P. Thibodeau. — Text : unmediated // Metaphor and Symbol. — 2018. — Vol. 33 (1). — P. 1—18.
21. Gidengil, E. Conventional Coverage/Unconventional Politicians: Gender and Media Coverage of Canadian Leaders' Debates, 1993, 1997, 2000 / E. Gidengil, J. Everitt. — Text : unmediated // Canadian Journal of Political Science. — 2003. — Vol. 36. — № 3. — P. 559—577.
22. Kennedy, V. Intended tropes and unintended metaphors in reporting on the war in Kosovo / V. Kennedy. — Text : unmediated // Metaphor and Symbol. — 2000. — Vol. 15. — № 4. — P. 252—265.
23. Kirchhoff, S. Krieg mit Metaphern. Medien-diskurse über 9/11 und den „War on Terror“ / S. Kirchhoff. — Bielefeld : Transcript Verlag, 2010. — 356 S. — Text : unmediated.
24. Musolff, A. Political Metaphor Analysis. Discourse and Scenarios / A. Musolff. — London : Bloomsbury Academic, 2016. — 194 p. — Text : unmediated.
25. Wei, J. M. Virtual Missiles: Allusions and Metaphors Used in Taiwanese Political Discourse / Wei J. M. — Lanham : Lexington Books, 2001. — 144 p. — Text : unmediated.
26. Zarefsky, D. President Johnson's war on poverty: Rhetoric and history / D. Zarefsky. — Tuscaloosa : University of Alabama Press, 2005. — 304 p. — Text : unmediated.

REFERENCES

1. Balashova, L. V. (2020). Militarnaja metafora kak sposob formirovanija koncepta Covid-19 v rechi V. V. Putina [Military metaphor as a way to form the concept of Covid-19 in the speech of V. V. Putin]. *Kommunikativnye issledovanija*, 7(4), 777—800. (In Russ.)

2. Baranov, A. N. (2003). Politicheskaja metaforika publicisticheskogo teksta: vozmozhnosti lingvisticheskogo monitoringa [Political metaphors of publicistic text: possibilities of linguistic monitoring]. In *Yazyk sredstv massovoj informacii* (pp. 134—140). Moscow: Izd-vo MGU. (In Russ.)

3. Russian Academy of Sciences (2010). *Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka* [Big Academic Dictionary of the Russian Language] (Vol. 14). Moscow: Nauka, 656 p. (In Russ.)

4. Budaev, E. V., Kushneruk, S. L., & Kurochkina, M. A. (2022). *Kommunikativnoe soprovozhdenie massovyh protestov v SMI* [Communicative support of mass protests in the media]. Sankt-Peterburg: Naukoemkie tehnologii, 201 p. (In Russ.)

5. Budaev, E. V., & Chudinov, A. P. (2018). *Metafora v politicheskoy kommunikacii* [A metaphor in the political communication]. Moscow: Flinta, 248 p. (In Russ.)

6. Budaev, E. V., & Pologova, K. V. (2021). Pragmatische ambivalentnost' metafor v politicheskom narrative «Zhizni chernyh imejut znachenie» (na primere «Sijetl Tajms») [Pragmatic ambivalence of metaphors in the political narrative “Black Lives Matter” (on the example of the Seattle Times)]. *Uchenye zapiski NTGSP. Serija: Istorija i filologija*, 2, 43—58. (In Russ.)

7. Zolotajko, A. I. (2019). Metaforicheskoe modelirovanie obraza policii v diskurse obshhestvennogo mnenija SSHa (sfera-istochnik — zoonimy) [Metaphorical Modeling of the Image of Police in the Public Opinion Discourse of the USA (Source-domain — Zoonyms)]. *Political Linguistics*, 1(73), 65—71. (In Russ.)

8. Kaslova, A. A. (2003). *Metaforicheskoe modelirovanie prezidentских vyborov v Rossii i SSHa (2000 g.)* [Metaphorical modeling of presidential elections in Russia and the USA (2000)] [Thesis of Candidate of Phil. Sciences]. Ekaterinburg, 208 p. (In Russ.)

9. Kerimov, R. D. (2013). Kognitivnye osnovanija militarnoj metafory v nemeckom politicheskom diskurse [Cognitive foundations of military metaphor in German political discourse]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 3(36), 57—66. (In Russ.)

10. Kondrat'eva, O. N. (2011). Militarnaja metafora i ee rol' v konceptualizacii vnutrennego mira cheloveka (na materiale literatury Drevnej Rusi) [Military metaphor and its role in the conceptualization of the human inner world (based on the literature of Ancient Russia)]. *Vestnik Voennogo universiteta*, 2(26), 54—57. (In Russ.)

11. Lassan, E. R. (2017). Metafora holodnoj vojny i ee rol' v poznanii mira (k voprosu o pragmatikone jazykovoj lichnosti) [Metaphor of the Cold War and its role in the cognition of the world (to the question of the pragmaticon of the linguistic personality)]. *Lingvoriticheskaja paradihma: teoreticheskie i prikladnye aspekty*, 22(1), 20—25. (In Russ.)

12. Ljuttvak, E. (2017). *Gosudarstvennyj perevorot: Prakticheskoe posobie* [Coup d'état: A Practical Guide]. Moscow: Univ. of Dmitrij Pozharskij, 326 p. (In Russ.)

13. Nahimova, E. A. (2011). *Precedentnye onimy v sovremennoj rossijskoj massovoj kommunikacii: teorija i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovanija* [Precedent onyms in modern Russian mass communication: theory and methodology of cognitive-discursive research]. Ekaterinburg: UrGPU, 276 p. (In Russ.)

14. Pologova, K. V. (2021). Teatral'naja metafora v politicheskom narrative «Dvizhenie Black Lives Matter» [Theatrical metaphor in the political narrative “Black Lives Matter Movement”]. *Aktualnye problemy jazykoznanija*, 1(10), 129—137. (In Russ.)

15. Chudinov, A. P. (2003). *Metaforicheskaja mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikacii* [Metaphorical mosaic in

modern political communication]. Ekaterinburg: UrGPU, 248 p. (In Russ.)

16. Bates, B. R. (2004). Audiences, Metaphors, and the Persian Gulf War. *Communication Studies*, 55(3), 447–463.

17. Charteris-Black, J. (2011). *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 370 p.

18. De Landtsheer, Ch. (1994). The Language of Prosperity and Crisis: A Case Study in Political Semantics. *Politics and the individual*, 4(2), 63–85.

19. Ewald, P. (2014). Rostock, das Sydney der Ostsee — Zur Spezifik von Namenmetaphern. In *Methoden der Metapherforschung und -analyse* (pp. 197–213). Wiesbaden: Springer.

20. Flusberg, S., Matlock, T., & Thibodeau, P. (2018). War metaphors in public discourse. *Metaphor and Symbol*, 33(1), 1–18.

21. Gidengil, E., & Everitt, J. (2003). Conventional Coverage/Unconventional Politicians: Gender and Media Coverage of

Canadian Leaders' Debates, 1993, 1997, 2000. *Canadian Journal of Political Science*, 36(3).

22. Kennedy, V. (2000). Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo. *Metaphor and Symbol*, 15(4), 252–265.

23. Kirchhoff, S. (2010). *Krieg mit Metaphern. Medien-diskurse über 9/11 und den „War on Terror“*. Bielefeld: Transcript Verlag, 356 p.

24. Musolff, A. (2016). *Political Metaphor Analysis. Discourse and Scenarios*. London: Bloomsbury Academic, 194 p.

25. Wei, J. M. (2001). *Virtual Missiles: Allusions and Metaphors Used in Taiwanese Political Discourse*. Lanham: Lexington Books, 144 p.

26. Zarefsky, D. (2005). *President Johnson's war on poverty: Rhetoric and history*. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 304 p.